

18+

33 НЕСЧАСТЬЯ ДЛЯ МАТЕМАТИКА

ОЛЬГА АРУНД

Самсоновы

Ольга Арунд

33 несчастья для математика

«Автор»

2022

Арунд О.

33 несчастья для математика / О. Арунд — «Автор»,
2022 — (Самсоновы)

Он помог мне выиграть свидание мечты, я помогу ему, став фиктивной невестой. Вот только сюрпризов у самого требовательного препода универа оказывается гораздо больше, чем было обещано. Цикл "Самсоновы, книга 4

Содержание

Маша	5
Глебов	7
Маша	10
Глебов	15
Маша	20
Глебов	25
Маша	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Арунд

33 несчастья для математика

Маша

Что делать, если к последнему курсу обнаглели, освоились и окрутели все, кроме меня? Меня, так и оставшейся робкой стеснительной первокурсницей, несмотря на перспективы и красный диплом.

– Ты?! Морозова, да тебе духу не хватит!

– Спорим?

Стоящая напротив Пермякова предвкушающе прищуривается.

– На что?

– На диплом. – Ва-банк, и такой, что её глаза неверяще распахиваются. – Если проиграю, я напишу тебе диплом.

Да, можно скачать несколько и сделать из них один, как Пермякова наверняка и планировала, но это же я. Честная и хорошая.

Дура, в общем.

– А если выиграешь? – Не верит. Вообще ни разу не верит в мою победу и в мыслях уже стопроцентно прокручивает поздравление с “отлично” за защиту.

– Если выиграю... ты организуешь мне свидание с Артуром.

– Что?! – давится она воздухом. – Морозова, ты совсем охренела?! Мы встречаемся!

Это потому, что он считает тебя умной. Знал бы Велисов, что под крашенным блондом все извилины прямые, пересмотрел бы своё отношение. Увы, когда снаружи красивая обёртка, во всё остальное окружающие готовы поверить авансом. А Пермякова самая что ни на есть звезда потока.

– Ну? Согласна? – Милана думает. С таким напряжением, что хмурятся идеальные брови.

Думай-думай, всё равно устоять против моего диплома ты не сможешь. Не тогда, когда твоя последняя сессия грозит быть заваленной из-за пяти хвостов.

– Хрен с тобой, Морозова! Мой диплом против свидания с Артом.

Хлопок по рукам разрывает транс притихших было однокурсников, среди которых Велисова, естественно, нет. Курить он не курит, а сегодня его ещё и в деканат вызвали, так что момент выдался удачный.

Тем временем, улюлюканья, смешки и остроумные пожелания сыпятся со всех сторон, пока я стягиваю с волос резинку. Будем считать, что они, заплетённые на ночь в косу, сойдут за рекламные локоны. Пытаясь придать хоть какой-то объём, я взлохмачиваю их пальцами.

Бесполезное, кстати, занятие, учитывая влажность, ветер и середину ноября, но сдаваться не в моих правилах. Очки, которые я не успела снять после пары, отправляются в сумку, а ворот пальто, наоборот, приподнимается. Как бы вамп, ага.

Тяжёлый вздох вырывается помимо воли. Затея со спором, конечно, идиотская, но достали.

Я старше большинства своих одноклассников на год точно, а кажется, что младше на десять. Все эти подколки, насмешки, «Чё ломаешься, как Морозова!»... Хватит. Либо я сейчас делаю всех и сразу, либо перехожу на дистант. Всё равно последние полгода лекций погоды не сделают, а конспекты можно писать и дома. В покое. В тишине. Не отрываясь от работы.

Главное, не думать, что после своей выходки до защиты диплома я могу и не дойти.

Лучше вообще ни о чём не думать.

Встряхнувшись под издевательскими взглядами большей части группы, я иду к парковке, где, присев на собственный мотоцикл, с кем-то разговаривает Глебов. И хорошо, что разговаривает – так он не заметит меня до последнего. До последнего моего самоубийственного поступка в этом институте.

Десять шагов.

Не думать. Не думать. Не думать. Все мы взрослые люди. Взрослые, ведь?

Семь.

С моим зрением этого расстояния мало даже чтобы рассмотреть мотоцикл. Я и не пытаюсь, чувствуя как руки заходятся мелкой дрожью.

Пять.

Чёртов спор! Зачем я, вообще, влезла?!

Три.

Не знаю кто, но поговорите с Глебовым ещё чуть-чуть! Пожалуйста! Провидение, Вселенная или Бог, вы просто должны мне помочь! И, если повезёт, увлечённый, моих потуг он вовсе не заметит.

Один.

– Морозова? – нахмурившись, вскидывается Илья Глебович, отведя телефон от уха.

Он что нас всех по фамилиям помнит?

Забыть. Просто забыть и сделать одно движение, которое обеспечит мне свидание с давней влюблённостью.

Отключив мозг, я хватаю собственного преподавателя за отвороты кожаной куртки и с разбега касаюсь его губ поцелуем. Детским, поверхностным, но достаточным, чтобы он устроил мне весёлую жизнь на эти последние несколько месяцев учёбы.

Ладони ощущают холодную гладкость кожи, а мои пальцы, кажется, намертво вцепились в преподавателя. И плевать, что они дрожат, я дрожу, а ситуация в целом не внушает оптимизма.

Интересно, а извиниться потом можно будет? А рассказать про спор?

Пока я жмурюсь, а мозг лихорадочно ищет варианты оправданий, этот... Илья Глебович не имеет таких проблем. Вообще никаких не имеет, в том числе и тех, которые про этику и профессионализм.

Потому что его ладонь ложится на мою талию, притягивая ближе. Потому что твёрдые холодные губы раскрываются, заставив меня вздрогнуть. И, распахнутые было от неожиданности глаза снова закрываются, потому что он утягивает меня уже в настоящий поцелуй.

В тот, где нет мыслей, нет ограничений и стеснения тоже нет. Зато есть мои ладони, сомкнувшиеся вокруг его шеи. Есть его руки, прижимающие меня к чужому телу. Есть язык, опытнее которого я ещё не встречала.

И глубокий поцелуй, со вкусом кофе и желания.

– А теперь, Морозова, – ироничным шёпотом, пока я пытаюсь собрать в кучу разбегающиеся мысли, – скажи, что это был спор и, может быть, я даже дам тебе сдать мой предмет...

Глебов

Сдать-то дашь, а вот как...

Сдержавшись, чтобы не тряхнуть головой, я отгоняю лишние мысли. Сколько их таких в потоке? Умненьких, скромных, в очках и со школьными хвостами? Гораздо больше, чем уверенных и упакованных двоечниц, вот только все эти вамп никогда меня не привлекали.

Мозг гораздо сексуальней груди третьего размера.

Дана тоже была такая, светловолосый ангел с милым лицом и умными глазами. Нежный, мягкий и насквозь лживый.

Воспоминание об измене, с момента которой не прошло и недели, отрезвляет.

– Спор, – на выдохе признаётся выпускница, отстраняясь и фокусируя взгляд. Всё-таки близорукость. – Илья Глебович, простите, это просто дурацкая шутка...

Шутка, может, и правда дурацкая, но на её месте извиняться я бы не стал. Потому что Морозовой понравилось, хотя вряд ли сильнее, чем мне.

– Жень, я перезвоню, – вспомнив о приятеле, я сбрасываю вызов и убираю телефон. Одной рукой продолжая прижимать к груди, стоящую между своих ног, студентку.

Спор.

Нормальная ситуация в этом гадюшнике. За почти десять лет практики бывало и не такое. И мне так и не удалось понять, кто тупее, студенты или преподаватели – и те, и другие стабильно держат планку. Вон и группа Морозовой стоит охреневшая у дверей в строительный корпус, а блондинка-заводила, фамилию которой мне даже вспоминать лень, сверлит спину девушки в моих руках откровенно нехорошим взглядом.

– Садись, Морозова. – Демонстративно и аккуратно заправив выбившийся от ветра локон ей за ухо, хмыкаю я. И отклоняюсь, чтобы достать второй шлем.

– Я?!

– Ты, Морозова. – Только отпустив её, разлохматившуюся и разгорячённую после неожиданного для обоих поцелуя, замечаю, что на улице похолодало и застёгиваю куртку. – Или хочешь вернуться к *друзьям*? – Последнее слово – с нескрываемой насмешкой.

Нервно обернувшись, она решительно собирает волосы резинкой. В хвост.

Мор-р-озова...

– Нет. А к-куда вы?..

Клинит меня конкретно, потому что в голове, кроме собственной спальни и вариантов-то не остаётся. Вот только неделя без секса не тот срок, чтобы начать кидаться на собственных студенток. Пусть даже настолько в моём вкусе.

– Домой, Морозова. К тебе домой, – фыркаю я, перекинув ногу через байк. – Заодно проведу индивидуальный факультатив о глупых спорах, реакции на них взрослых дядей и последующей сдаче экзаменов.

Мой выжидающий взгляд сталкивается с её и Морозова резким движением надевает шлем на голову. Господи ты боже мой! Не убила хоть симпатичную мордашку? А то всякое бывало. Фыркнув, поправляю на ней застёжки.

– А я сдам? – Вопрос, надежду в котором не может приглушить даже стекло шлема.

– Сдашь, Морозова, расслабься. – Свой шлем я надеваю на автомате. – Адрес говори.

Высокий кованный забор отделяет двор новой высотки от стоящих вокруг пятиэтажек. Из-за спины показывается рука с брелком, слышится щелчок и ворота начинают разъезжаться в разные стороны. Студенческим общежитием тут и не пахнет, а значит, хорошая девочка хороших родителей.

Снова остановившись уже у второго подъезда, я глушу движок.

– Всё, Морозова, приехали. – Вздыхнув, помогаю ей слезть и снять шлем, под которым оказывается она сама, смущённая и взъерошенная.

Длинные светлые ресницы, огромные глаза и покусанные губы вместо того, чтобы двинуть по моим непомерным неприличным желаниям только распалют.

– Спасибо, Илья Глебович! – Интересно, она бы и после секса называла меня по имени-отчеству? Тпру, зорька! Снова не туда. – А вы?

– А я, Морозова, поехал.

Лишний шлем убран, подножка тоже. Руки, слава богу, при себе и вместо тонкой талии ложатся на руль, хотя картинка с Морозовой между моих ног, как двадцать минут назад, выглядит какой-то неадекватно впечатляющей.

– Подождите! – Две покрасневшие и замёрзшие узкие ладони хватают меня за рукав. Чтоб тебя, Морозова! Неужели так сложно было надеть перчатки?! Раздражённо выдохнув, поднимаю на неё взгляд. – Илья Глебович, я хотела сказать вам спасибо. Большое, за то, что довезли и за... остальное.

Растрепавшиеся после шлема волосы лезут Морозовой, покрасневшей то ли от холода, то ли от смущения, в лицо. Она отмахивается, убирая их с глаз, и кажется ещё наивней, моложе и глупее.

И вот, честно говоря, лучшее, что она может сейчас сделать – скрыться за пластиковой дверью подъезда с оранжевой цифрой «два», но хорошие девочки так ведь не умеют.

– Правда, спасибо вам, вы меня спасли! И... – прикусив губу, в этот раз она точно смущается. – Давайте я вас хотя бы чаем напою. Или кофе. С тортом.

Морозова!.. Знала бы ты какой торт у меня в голове после твоей выходки! Настолько сладкий, что приглашение на чай точно лишнее, и разом вострепнувшееся либидо это только подтверждает. А у меня и без связей со студентками проблем выше крыши.

– Илья Глебович, вы мне так помогли... Если бы вы не... – Что именно «не» понятно по, запнувшейся на середине фразы, Морозовой. – И дело даже не в споре, просто... – Она неопределённо взмахивает рукой и просто смотрит.

Огромными зелёными-презелёными глазами. Наивными до зубовного скрежета и это на выпускном-то курсе!

И хуже, в первую очередь для неё, что такие глаза я уже видел. Давно. В первом своём летнем лагере с первой своей любовью. Привет, Маша Левадина, давно не виделись.

– И что, вкусный торт? – Руки отпускают руль практически без участия мозга.

Долбанный ты интеграл. А ну-ка быстро вспомнил, что ты старпёр, преподаватель и вообще не лучший собеседник для чаепития!

– Очень! – И счастливая улыбка во все тридцать два. Полный финиш. – Сегодняшний, утром покупала.

– Ну, раз утром...

Удобные у них парковки.

Неплохое, кстати, оправдание, надо запомнить. С другой стороны, помощь была? Была. Экзамен будет? Будет, и я даже не припомню Морозовой этот идиотский финт. Так почему бы и не согреться чаем... С тортом. И, чувствуя себя лисом, лезущим в курятник, я поднимаюсь вслед за ней сначала на крыльцо, а потом к лифту.

Морозова, которая, вот совпадение, тоже Маша, успокаивается и расслабляется, оказываясь в родных стенах.

– Вот вешалка. – Стряхнув с себя пальто и высокие сапоги, показывает она. – Ванная налево. Вы чай будете или кофе?

– Кофе.

Ванная, как и вся квартира оказывается новой, чистенькой и беленькой. Стандартная такая отделка, которую первые лет пять, а то и десять после заселения мало кто трогает. Поэтому вместо плитки краска, а вместо нормального зеркала – маленькое и круглое на хрупкой ножке. А ещё щётка, полотенце и коврик в весёлых жёлто-красно-зелёных линиях. Мило и по-детски.

По-детски, недоотмноженный ты идиот! Так что самое время свалить отсюда, вспомнив о недавней измене бывшей уже невесты, но ноги сами идут на аромат кофе.

– Я здесь, – слышится голос из-за двери прямо передо мной, – проходите. Родители взяли квартиру в ипотеку, а, когда я поступила в институт, тактично предложили переехать, – с улыбкой и не дожидаясь вопросов поясняет Морозова, пока я сажусь за барную стойку. – Мама давно мечтала переделать мою комнату под швейную и мечта сбылась.

– Хорошие родители.

С преподавателями напряг, это да, а родители хорошие – факт.

– Не жалуюсь. – На столешнице ловко возникают чашки, сахар, сливки и вазочка из тёмного стекла с каким-то простым печеньем. – Они прочитали миллион книжек о воспитании и считают, что ребёнок лучше знает, что делать.

– А ты знаешь?

Маша

Куда меня несёт?! Ну, куда!.. И этот вот насмешливый взгляд смущает, заставляя маскировать неловкость тортом.

– Никто не знает.

Чтобы его достать, приходится повернуться к Илье Глебовичу спиной, так гораздо легче изображать невозмутимость. А, вообще, стоило плюнуть на благодарность и сбежать под крытие подъезда, но, по заверениям мамы, помощь должна быть оплачена. Хотя бы сладким.

– В одних книжках написано одно, в других – другое, а мои родители прочитали их все, провели сравнительный анализ и пришли к чему-то своему.

Слова толпятся, отпихивая друг друга и стараясь выскочить первыми. И ладно, что он преподаватель, гораздо хуже, что с момента того самого идиотского поцелуя Ильи Глебович вдруг стал мужчиной. Не старым, привлекательным и фантастически целующимся.

– И я всё ещё понятия не имею, что там получилось в итоге, но сюда меня выпихивали осторожно, но твёрдо. Подозреваю, маму просто устраивали окна на юг и то, что в моей комнате почти постоянное солнце...

– Морозова, ты нервничаешь?

Серьёзно, он слишком умный! И все мои дёрганья видит лучше меня, а от этого их становится только больше.

– Нет, что вы! – Неопределённо взмахнув рукой, я красиво сбиваю со столешницы сахарницу. – Чтоб тебя!

Мне не везёт оказаться в сладкой ловушке, разлетевшейся по половине кухни-гостиной. Минное поле – один неправильный шаг и сахар окажется даже под моей подушкой, плавали-знаем.

– Я... – Вздыхнув, я примеряюсь, чтобы сделать аккуратный шаг. – Я сейчас всё уберу.

– Морозова, стой на месте, – хмыкает Глебов, поднимаясь. – Пылесос где?

– В кладовке.

Стоп! Это куда он пошёл и что собирается делать?!

Меня наполняет едва ли не священный ужас. И нет, в целом я не против мужчины за уборкой, но не тогда, когда это мой преподаватель! Которому мне ещё два предмета сдавать!

– Ильи Глебович, – слишком громко и с явными нотками паники, но цель достигнута – Глебов притормаживает, – я сейчас сама всё уберу, не надо ничего доста...

– Морозова, экзамен сдать хочешь? – невозмутимо поддёрнув рукава тонкого чёрного пуловера, иронично интересуется он, задержавшись в дверях.

– Х-хочу.

Это у него кончик татуировки выглядывает? Дурацкое любопытство заставляет отвлечься на тёмный завиток, показавшийся на внутренней стороне предплечья.

– Если не сдвинешься с места, считай, что тройка в кармане, – вполне себе серьёзно отвечает преподаватель, который с редким равнодушием завалил весь предыдущий выпуск. На пересдаче. Дважды.

– Это шантаж! – Должно звучать нагло и уверенно, но вместо этого из горла вырывается жалкий писк.

– Может быть. – Глебов возвращается быстро и с нелёгкой ношей. Ну, это мне нелёгкой, а он, кажется, веса массивного пылесоса даже не замечает. – Я, знаешь ли, спец больше по техническим специальностям. Этика и всё причастное, в своё время, прошли как-то мимо.

– Но вы же не будете?.. – Слова заканчиваются, но рука более чем понятным жестом обводит кухню.

– Буду, Морозова, – Илья Глебович на мгновение останавливается, глядя мне прямо в глаза, – всё буду. И шантаж, и торт...

«И тебя», – он не добавляет, но в моей голове звучит именно это. Парализуя одним только предположением, что моя выходка с поцелуем может иметь гораздо более печальные последствия, чем несданный экзамен.

И вот я стою, дура душой, посреди белого песка, и смотрю на трубу пылесоса,двигающуюся туда-сюда, туда-сюда. Этот вид гораздо безопаснее того, где Илья Глебович прибирает рассыпанный сахар. Этим же пылесосом.

– Вот и всё, а ты боялась. – Глебов ловко, как мужчина, привыкший жить один, сматывает шнур и явно собирается вернуть бытовую технику на место.

– Я сама! – нервно вырвав пылесос из его рук, я скрываюсь за дверью кладовки.

Исключительно для того, чтобы спрятаться, бросить ни в чём не повинный пылесос и прижать прохладные ладони к горящим щекам. В чём проблема-то?! Почему меня так трясёт? Ну, помог, пусть даже дважды. Это вообще не повод паниковать!

Может, и нет, но объяснить это скачущему пульсу практически нереально.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

– Морозова, ты решила там самоубиться? – Голос приглушен закрытой дверью, а мне всё равно слышится в нём улыбка. – Имей в виду, от темноты не умирают. От тесноты тоже, даже если ты страдаешь клаустрофобией.

– Вы издеваетесь, – понимая, что он прав, я делаю последний решительный вдох и возвращаюсь в гостиную.

– Не совсем, – довольно улыбается Глебов и делает глоток кофе, который налил себе сам. – Всего лишь пытаюсь тебя растормошить.

– Я и так того... дальше некуда. – Несколько секунд отделяют меня от собственной дымящейся кружки. – Подождите, вы же без сахара... – спохватываюсь, глядя на него.

– Морозова, с тортом, да ещё и с сахаром? Не слишком сладко? – И нет, он не о том, о чём я подумала.

Откуда, вообще, у меня около постельные мысли в отношении собственного препода? Причём те мысли, которые больше по панике, чем по желанию оказаться наедине. Хотя, если он разденется, я ведь увижу что там у него на руке?

Странное дело, но эта мысль отторжения не вызывает, одно любопытство, а память быстро напоминает, что в футболках с коротким рукавом Глебова в универе не видели ни разу.

– Мне как раз, – пожав плечами, я снова отворачиваюсь, чтобы разложить торт по тарелкам и убрать остатки в холодильник.

– Зачем приглашала, если я так тебя смущаю? – Нет, он точно надо мной издевается!

– Ничего меня не смущает, – раздражённо. – Просто...

– Просто что? – отставляет Глебов свою кружку, напрочь игнорируя поставленный перед ним торт.

– А вдруг вы мне соврали и завалите на экзамене?

Ой, дурна-а-я!

Мама бы так и сказала, но её тут нет, зато есть реально офигевший Илья Глебович, который смотрит на меня таким взглядом, что сразу понятно – сейчас сдать стало ещё сложнее. Как бы двумя пересдачами обойтись...

И молчание затягивается не потому, что ему нечего сказать, а потому, что цензуры в этих словах, наверное, маловато.

– Морозова, я кому-нибудь из вас, придурочных, хоть раз врал? – Испытующий взгляд предполагает какой-то ответ, но откуда мне знать! До сегодняшнего вечера Глебов у меня воспринимался исключительно как часть универа. – У меня сотни студентов, море потоков и десятки групп, но никто не сможет назвать меня лжецом.

И вот тут просыпается настоящий стыд.

Который не «Боже, я поцеловала препода на спор!», а «Убейте меня, пока ещё чего-нибудь не ляпнула!» Извиняться? Под таким-то, уверенным в моём идиотизме, взглядом? Как-то не тянет, хотя, наверное, стоит. Уже потому, что ничего сладко-извинительного у меня, кроме торта, не осталось.

– Да, я нервничаю! – Может, нападение и правда лучшая защита? – Утром любимая кружка разбилась, потом заказчика не устроили загруженные на сайт картинки, дальше оказалось, что первой пары нет и знали все, кроме меня-идiotки. Ещё Разумовская не приняла контрольную для зачёта, а потом и этот идиотский спор, после которого всё вообще пошло непонятно куда!..

Вот уж точно не туда, не с тем и не для того.

– Да брось, Морозова! – Широко раскрыв глаза, я смотрю на веселье Ильи Глебовича. – Спор-то тебя чем не устроил? Мне понравилось. – Щёки снова краснеют, и вот вопрос, что я за дура двадцатитрёхлетняя, если смущаюсь от всякой ерунды?! – Ты выиграла, наверное, даже что-то интересное... На что хоть спорили, Морозова?

– На диплом, – буркнув, делаю глоток и только потом до меня доходит с кем я откровенничаю.

Не то чтобы преподаватели не знали как пишутся наши работы, но говорить об этом вслух в студенческой среде не принято.

– Чей? – неподдельно интересуется Глебов.

– Если бы я проиграла, писала бы диплом Пермяковой. – Гулять, так гулять, тем более, что диплом ей я всё равно делать не буду.

– А в случае выигрыша? – Илья Глебович подаётся вперёд.

– Ничего, – буркнув, я планирую отвернуться и занять чем-то руки, но он удерживает за запястье.

Меня пробивает электрическим разрядом до самого плеча, а от жара горячей ладони бросает в пот. И вот это от эмоций знобит или он всегда такой горячий? Подозреваю, что всё вместе, потому что прижиматься к его груди на парковке было жарко. Настолько, что это будет аукаться мне до диплома.

Подняв взгляд, я едва не давлюсь вздохом, спотыкаясь о глаза Глебова.

– Морозова, я должен знать что тебе подарил. Поверь, моё любопытство – страшная вещь, – честно предупреждает он, – так что я всё равно не отстану.

– Свидание, – выдыхаю я, опуская глаза.

Ладно, буду считать, что он меня пытал. Жестоко пытал пылесосом, тортом и собой.

– А теперь, Морозова, – по одному только голосу понятно в какую сторону меняется выражение лица Ильи Глебовича, – скажи, что ты пошутила...

Молчание накрывает гостиную и не сказать, чтобы напряжённое. Совсем нет. Скорее, изменчивое. В том смысле, что всё моё существо чувствует как меняется мнение Глебова о моих умственных способностях.

– И кто этот счастливчик?

– Никто. – Посуда, она срочно требует моего внимания. И чайник тоже.

– Значит, кто-то из ваших... – задумчиво тянет Илья Глебович, оказавшийся проникательнее, чем должен быть. – И кто там такой недоступный? Надеюсь, не Драхан?

– С ума сошли?! – Резкий поворот и резкий же выдох. Ещё чего не хватало, страдать по парню, который на сто процентов оправдывает все национальные анекдоты.

– А кто там у вас ещё настолько выдающийся? – Пока Глебов думает, у меня вертится вопрос поинтереснее.

– Вы что, на самом деле помните всех своих студентов?

Это же нереально! У него только первых курсов вагон – высшая математика, один из его предметов, первые полгода есть во всех расписаниях.

– Нет, – Глебов снова сама честность, – не только своих, чужих тоже многих.

– Это сколько же?.. – сиплю начинаю я, но ему не до собственных суперспособностей, у него любопытство.

– Морозова, не отвлекайся. – Пока в моей голове сбоит калькулятор, он цепко осматривает меня с головы до талии, остальное скрыто барной стойкой. – Только не говори, что речь идёт об этой отрывке попсовых «Сумерек»?

В его глазах реальное разочарование, такого даже после новости о споре не было.

– Что?

Пусть сравнение и такое себе, но на удивление точное. Глебов, придвинув кружку, делает несколько больших глотков, а я как дура смотрю на неожиданно крепкую шею.

– Морозова, ты в курсе, что Велисов занят? – вернув кофе на стол, поднимает он бровь.

– А вы в курсе, что собирать студенческие сплетни непрофессионально? – Моя тарелка летит в раковину, знать бы ещё когда я успела съесть торт... Ничего, у меня ещё есть.

– Да какие сплетни, если он с Пермяковой сос... – откашлявшись, Илья Глебович продолжает: – Обжимается на всех парах!

– Поэтому мне и нужен шанс.

Можно подумать, он поймёт! Как же, у таких, как он не бывает проблем ни со свиданиями, ни со всем остальным. Пришёл, увидел, уложил, блин.

– Ну-ну, – обидно хмыкает Илья Глебович и поднимается, чтобы под моим удивлённым взглядом пройти в прихожую.

– Что вы?.. Вы не съели торт! – Почему-то именно этот фактор становится самым раздражающим.

Я, понимаешь ли, старалась, резала аккуратно, а не как обычно, а он просто берёт и уходит!

– Я, в общем-то, наелся. – Две секунды и этот Илья Глебович надевает тяжёлые ботинки. – Дай куртку.

В смысле наелся? Это он сейчас о моей глупости или показалось? Обидно, когда взрослый опытный мужчина так отзывается о всех твоих девичьих грёзах. Может, и правда идиотских, но демонстрировать это прямо, вообще-то, необязательно!

– Отбило твоими откровениями, – с явным упрёком. – Знал бы, что твои желания ограничиваются Велисовым, не стал подыгрывать.

– О, а это была игра? – ехидничаю я в ответ, но, напорвшись на взгляд Ильи Глебовича, осекаюсь. И молчу уже виновато.

В конце концов, каждый имеет право на своё мнение, даже если оно в корне неправильное.

– Куртка, – напоминает Глебов.

Что мне остаётся? Только заткнуть вылезшую некстати обиду – до уровня его словесных перепалок мне ещё лет пять, и это по самым скромным меркам.

– Да, сейчас.

Открыв дверь шкафа-купе, я снимаю куртку с плечиков и разворачиваюсь, не ожидая, что Глебов окажется прямо за моей спиной. Неловкого столкновения не ожидая тоже, от которого в собственных руках-ногах возникает путаница. Грация и реакция это в принципе не про меня.

И именно их отсутствие виновато в том, что я испуганно отшатываюсь, неудачно задеваю плечом зеркало и начинаю заваливаться. И мне бы опору, но дверь шкафа уезжает вместе со мной, только усугубляя идиотское, в целом, падение.

– Морозова! – Сильно, до боли перехватив за талию, меня сгребают в охапку. – Жива, тридцать три несчастья?

Уже не уверена. Не тогда, когда Глебов фактически удерживает меня на весу.

– Д-да.

Растерянное и перепуганное сознание забивается в дальний угол черепной коробки, в то время как наши с Ильёй Глебовичем лица разделяют пара жалких сантиметров. Настолько жалких, что я чувствую дыхание на своих губах и опускаю взгляд, чтобы убедиться, что в этот раз поцелуя всё-таки нет.

– Мор-р-озова, – выдыхает мужчина старше меня, наверное, раза в два, – что ты делаешь?

И диспозиция меняется, доказывая, что там, на парковке, было ещё ничего.

Потому что сейчас Илья, который как бы Глебович, прижимает меня к стене. Исключительно для того, чтобы на ногах держалась, ага. И его хватка становится всё более многообещающей, в то время как мои руки безвольно висят вдоль тела.

– Боюсь, – широко открыв глаза, честно признаюсь я.

Дыхание прерывается и скрыть бы, но он настолько близко, что без шансов. У меня точно.

– Чего?

На его лице нет улыбки, одно безграничное обещание.

– Вас, Илья Глебович.

Как выговорила – не знаю, чувствуя, что задыхаюсь под испытующим взглядом.

– Неправильный ответ, Маша.

Усмешка. Короткий взгляд. И наши переплетённые пальцы рук, которые Глебов фиксирует над моей головой.

Перед тем, как показать каким бывает правильный ответ.

Глебов

Закрытые глаза, длиннющие ресницы, приоткрытые губы и прерывистое дыхание.

Что ты, кретин, делаешь?!

Шумно выдохнув, приходится отпустить Машины ладони, отойти на шаг и поднять выпавшую из её рук куртку.

– Спасибо за торт, – глядя в расфокусированные зелёные глаза, я вылетаю за дверь.

Мысли все как одна альтернативно русские, но даже мат не помогает. Спуск по лестнице с двадцатого этажа тоже.

Хуже всего то, что непонятно как меня вообще могло переклинить. Особенно так. Особенно, после Данкиной измены. Хотя с ней последние пару лет всё было настолько хреново, что хоть закапывайся, чем я и занимался, не вылезая из универов и подработок, якобы, чтобы накопить на свадьбу. По факту же, чтобы не вступать в очередные разборки на одну из миллиона подходящих ей тем.

Подножка. Шлем. Ворота.

Медленные настолько, что ладони обжигает воспоминанием о хрупком податливом теле. И о нежно-розовых, обещающих какие-то невероятные открытия, губах.

Помог девочке? Решил, что в невинном поцелуе нет ничего такого? Вот теперь и разгребай. И такое, и не такое.

Чертыхнувшись, я подаюсь вперёд и вылетаю в недооткрытые ворота. Подальше от искушений, наивных студенток и незабываемого аромата сливочного крема на её губах.

Проходит неделя, наполненная любимой работой, выкидыванием лишних Данкиных вещей и отцовскими угрозами. Неделя после идиотского студенческого спора, о котором я успел забыть, пока не попал на ковёр к проректору. Вот так сразу, без лишних промежуточных инстанций.

– Илья Глебович, вы прекрасный преподаватель, один из наших лучших, но поймите и вы нас, – вздыхает немолодой уже, но подтянутый и, в целом, адекватный обычно проректор, – факт ваших... неформальных отношений со студенткой зафиксирован слишком большим количеством лиц, чтобы мы могли проигнорировать это дело.

И приходится объяснять то, что проректор знает без меня – и о совершеннолетних всех участников «неформальных отношений», и об идиотском споре, и о том, что парковка находится за пределами университета. Хотя, поцелуйся я с Морозовой на паре, отчитываться не пришлось бы вовсе, потому что, доложившая о «возмутительном происшествии», сорокалетняя, пуритански настроенная историчка этого бы и не увидела.

Не добавляет хорошего настроения и родительский звонок. Проблема назревала давно, да, но к тому, что отец перейдёт к прямым угрозам, я как-то не готовился. Конечно, Женька, в том самом предпоцелуйном разговоре предупредил, что вокруг моих счетов назревает нездоровая суета, но того, что родитель пойдёт ва-банк я не ожидал.

Не в этом году точно.

Но... жизнь прикладывает меня темечком уже не первый раз и вряд ли в последний. Хуже всего, что в этот раз отец настроен решительно. И с его вчерашним «сделаю так, что ни один самый зачуханный ПТУ не возьмёт тебя на работу» приходится считаться. Потому что да, он может.

Вот только угрозы его мне давно до фонаря, главная проблема в другом – отцу хреново. Настолько, что об этом мне приходится узнавать какими-то совсем кривыми путями. И вся эта

история с шантажом и требованием приехать «ещё вчера» вполне может быть предвестником больницы, а то и...

Тряхнув головой, я смотрю как студенты заполняют римскую аудиторию.

Чтобы отец взял и умер? Пф. Вот уж кто ни в жизнь не допустит такой радости партнёрам и конкурентам. И плевать, что последние двадцать лет мы не общаемся, это не мешает мне признавать, что человека с такой волей и характером ещё поискать.

Взгляд напарывается на ту самую Пермякову, вип-студентку отдельно взятой группы ибэшников. Интересно, что, вообще, было у неё в голове, когда она поступала на информационную безопасность? Красивые картинки из голливудских фильмов про хакеров?

А ехать всё равно придётся... В этот раз точно, а, значит, надо заниматься билетами и прочей мутой. И как-то сгладить вопрос с невестой, на которую мама хочет посмотреть последние несколько лет.

Вот и Велисов, голубая мечта Маши Морозовой, садится рядом с Пермяковой, утягивая её в слюнявый поцелуй. Тощий, с длинной тёмной чёлкой и умным взглядом, Велисов бесит все эти семь дней. И в первую очередь тем, что разбирается в предмете.

Мне бы тоже как-нибудь разобраться так, чтобы обойтись минимальным ущербом, но что-то подсказывает, что в этот раз без подписанного договора отец меня не отпустит. Вот бы было чем его отвлечь... Данка бы подошла, но теперь воспоминание о ней, с энтузиазмом скачущей на неизвестном мне мужике, вызывают только отвращение. Хотя сбить с толку родителей интеллектуальной, красивой и «достойной» девушкой классная идея. Как же, от меня ведь можно ожидать только бритую нимфоманку, готовую хоть с кем и хоть где.

Прозвучавший звонок перекрывает смехок. Пора начинать.

Поднявшись, я обхожу стол, присаживаюсь на него, и обвожу ироничным взглядом весь поток. И по одному только втягиванию голов в плечи могу сказать кто пролетел с допуском к зачёту. По всему выходит, что пролетели многие и почему-то жаль, что недовампир не в их числе.

– Добрый день, уважаемые студенты. – «Уважаемые», как и всегда, с откровенным сарказмом. – Напомню тем, кто забыл, что сегодня у вас остался последний шанс сдать контрольные для зачёта. Особо рискованные, – взгляд проходится по трём верхним рядам, – могут попробовать найти меня в оставшиеся два дня по расписанию других групп. Этим отличившимся не обещаю ни хорошего настроения, ни приёма работ, но у вас ведь попытка не пытка...

По рядам проносится насмешливый хмык, хотя от шутки тут ноль целых, хрен десятых. И эти, знающие меня пятый год, точно в курсе, но по-студенчески всё ещё надеются на чудо. Рассчитывать на халяву – отличительная черта всего студенческого сообщества, жаль только, что и к преподавателям это тоже относится.

– Кто готов к измывательствам на зачёте, можете пройти и оставить свои работы на столе. – Хлопнув по столешнице слева от себя, я на всякий случай отхожу, пока эти не затоптали «одного из лучших преподавателей» в моём лице. – Остальным смертникам сообщаю, что могу уехать в любой момент, так что в ваших же интересах озаботиться допуском к зачёту в ближайшие день-два.

В аудитории поднимается закономерный испуганно-возмущённый гул тех, кто собирался тянуть до последнего.

– Тихо! – Окрик разносится поверх топота спускающихся-поднимающихся ног. – Время вам было дано...

– Извините за опоздание, – вместе с открытой дверью вклинивается в общее безумие мелодичный голос Маши Морозовой. – Можно войти?

Да, как в школе. Да, моя дрессировка, но так гораздо проще, чем первые пятнадцать минут отвлекаться на бесконечное хлопанье дверей. А ещё проще тупо запретить входить всем опоздавшим, и это мои студенты запоминают с первой же ошибки, ибо бесят. Они бесят, а

опоздание Морозовой почему-то нет, удивляя как у такой наивной девочки хватило смелости явиться после звонка.

– Заходи, Морозова, – иронично отзываюсь я под взглядами удивлённых студентов, – но имей в виду, что в следующий раз одним тор... извинением не отделаешься.

И вот вопрос, кто из нас больший кретин? Прибабахнутые на всю голову халявшики, или разом вспомнивший про сладкое старпёр-препод? После взгляда на одну конкретную студентку.

– Спасибо, – едва слышно, но разом покрасневшие щёки и шея говорят о том, что огорку Маша Морозова поняла и, кажется, поняла правильно.

Потому что кретина-старпёра в моём лице всё ещё жжёт раскалённым металлом тот несостоявшийся поцелуй, который, до спазма в паху, хочется завершить. Так, чтобы большие зелёные глаза подёрнулись поволокой, а сама Машенька Морозова только и могла стонать моё имя...

ТЬфу ты, придурок!

Вот только поздно, разбушевавшуюся фантазию не останавливает ни пара, ни невозможность ситуации в целом.

Хотя почему невозможность? Если уж совсем честно, мне есть чем убедить Машеньку, что Велисов всего лишь картинная пародия на голливудскую франшизу... Угу, и со всеми этими убеждениями поскачешь ты, конь ретивый, на ковёр сразу к ректору.

Поскачу, но это только в том случае, если Машеньке не понравится, в чём я очень сильно сомневаюсь.

– Так, прекратили балаган и расселись. – Студенческая возня занимает ещё несколько долгих секунд. – Открыли всё, что открывается, и записываем...

Пара проходит мутно.

А ещё энергично, азартно и возбуждённо. Наложившиеся проректор, Велисов и разговор с отцом образуют странную смесь, заставляющую то и дело возвращаться к третьему ряду, второму месту от окна. Тому, где сидит сейчас Машенька Морозова, с периодичностью в пару минут сдувая мешающие конспектировать, волосы.

А где хвост?

Нигде не хвост, закройся уже и води лекцию дальше.

Самое смешное, что слухи о нашем с ней поцелуе так толком слухами и не стали. Ни один из всей этой массы недоучек не смог в своём придурочном сознании сотнести меня и Морозову вместе. Так вместе, как представляю я, а не вот это всё со спором и прочей чушью.

– Морозова, задержись, – озвучиваю я в никуда, стоит прозвенеть звонку, и, обойдя стол, захопываю планшет с расписанием и списком групп.

Наивные. Думают, раз пара потоком, то мне не удастся заметить прогульщиков? Пф. И вроде поколения меняются, а студенческие мифы у них всё те же.

– Илья Глебович? – сладкий голосок отвлекает и, подняв взгляд, я встречаюсь глазами с Пермяковой. Этой-то какого надо? – Илья Глебович, я насчёт контрольной... У меня там никак не получается, – она прикусывает полноватую татуажную губу. – Из всех заданий осталось последнее и я не знаю примете вы так или нет...

– И я не знаю, – хмыкаю, глядя на тетрадь на кольцах в её руках. И да, на тетрадь, а не как думает Пермякова, подавшись всей декольтированной грудью ближе. – Оставляй, если не сдашь, напишу на почту.

– Спасибо! – выдыхает вот это вот всё, едва не заставив поморщиться.

Серьёзно, сейчас в тренде именно такое великолепие? Хорошо хоть высокие каблуки и короткие юбки давно вышли из моды, иначе получился бы панельный перебор.

– Пожалуйста.

Сколько там уже? Взгляд на часы подтверждает, что пора бы домой, в идеале через кафедру. Хреново, но для поездки к родному очагу придётся брать то ли отпуск, то ли отгулы, зависит от того как ляжет карта и настроение декана.

Морозова появляется передо мной в тот момент, когда в аудитории нет больше никого. Какая-то другая, в отличие от прошлого нашего randevu.

– Илья Глебович, вы что-то хотели?

Хотел, хочу и буду хотеть, но тебе об этом знать рановато.

– Как свидание мечты, Морозова? – Напускного веселья во мне хоть отбавляй.

Настолько много, что она опешивает, глядя широко раскрытыми глазами с тонким, заметным только вблизи, ободком линз. И что за выкрутасы? Надеюсь, на смену имиджа повлиял не Велисов, иначе сдавать ему и сдавать. Хотя бы потому, что глаза у Морозовой воспалённые – то ли не привыкли ещё к линзам, то ли отказываются их переносить.

В отличие от глупой хозяйки, которая вдруг решила стать «красивой», хотя, как по мне, и в прошлый раз был полный отвал башки.

– Я... Я не понимаю о чём вы говорите, Илья Глебович! – А возмущения-то сколько, так бы и сгрести в охапку, чтобы не злилась.

– Да брось, на правах твоего временного уборщика, могу же я поинтересоваться стоил ли того спор...

Одна фраза, а сколько эмоций! И розовеющие щёки, и даже немного злости. Да, Морозова, я самым наглым образом тебя провоцирую. Пока не знаю на что и не знаю зачем, но настроение из никакого мигом поднимается до верхнего шпилья универа. И не только настроение.

– Илья Глебович, – набрав воздуха, наставительным тоном начинает она, – согласна, я повела себя глупо, но это не даёт вам...

Звук открывшейся двери активирует во мне какие-то скрытые рефлексy. Потому что секунда и вот она, снова стоит между моих ног, притянутая почти вплотную и едва ли не упираясь носом в мой нос.

– Что вы?!..

– Илья Глебович? – А рефлексy-то правильные, очень в тему. Голос Велисова раздаётся в тишине аудитории, и Маша нервно дёргается в моих руках. – Извините, я попозже найду...

Звук закрывающейся двери ложится музыкой на мой тонкий слух.

– Не двигалась бы ты, Маша, – наставительно изрекаю я и она перестаёт. Не потому что послушалась, а потому, что задела бедром самое явное доказательство моей заинтересованности.

– Я напишу на вас в деканат, – мрачно обещает Морозова, больше не опуская взгляд ниже моих глаз.

– Пиши. – Можно подумать, там их жалобы кто-то читает. – Только после факультатива о взрослых дядях и их реакциях, помнишь? – откровенная насмешка настолько её выводит, что Морозова отталкивает мои руки, отпрыгивая на несколько шагов.

– То, что было... – Если бы было, я бы запомнил. – Это не значит, что я теперь согласна на...

А вот с этого бы места поподробнее, но Машенька сбивается.

– И, вообще, мне не пять лет, чтобы разговаривать со мной как со слабоумной!

Не пять и даже не семнадцать, к моему большому счастью.

– Я слишком умная, взрослая и уважающая себя женщина, чтобы позволять... – Что-что она сейчас сказала? – ... даже если это грозит мне неприятностями. И, вообще...

– А, вообще, согласен по всем пунктам, – примирительно поднимаю я руки, обмозговывая новое озарение.

– Тогда извиняйтесь! – внезапно наглеет Машенька и в изумрудных глазах ждут все кары небесные, если мне придёт в голову отказать.

– За что?

Хватает мгновения, чтобы оценить и умный взгляд, и миловидные черты лица, и общую Машенькину правильность. Мама будет в восторге, отец в шоке – самое то, чтобы провести безобидные выходные в родовом гнезде.

– За... – Если скажет за поцелуй, поцелую ещё раз. Так, чтобы было понятно за какой из них действительно можно извиниться. – За...

Осталось сделать так, чтобы она согласилась. Рассказать всё, как есть? Что она нужна мне только для отвлечения родительского внимания?

И куда бы ты послал себя на её месте?

– За то, что смеётесь надо мной, – уверенно и твёрдо, несмотря на то, что мы оба понимаем – так себе аргумент.

– Извини, – вздохнув, принимаю её правила игры. – Больше не буду.

Недоверчивый взгляд из-под ресниц и то, как нервно она поправляет ремень сумки на плече, говорят в мою пользу. Хорошая девочка Маша Морозова, хоть и не хочет, но верит плохому мне. Повезло.

– И в качестве извинений предлагаю тебе выходные. В Сибири.

Маша

– Г-где?

Надо было прогулять, а не потакать синдрому отличницы! Ничего бы не случилось, не приди я сегодня на пару. Может, Глебов бы даже не заметил!

Ага, с его-то суперспособностью?

– В Сибири, – глядя на меня как на особо ценный приз, повторяет Илья Глебович. И его улыбка ни фиги не выглядит милой, такой сожрёт и не подавится. – Иркутская область, Катангский район, посёлок городского типа... да в общем-то неважно, – хмыкнув, осекается он. – Поехали, будет весело.

– Вы... Я... Это вообще...

Как есть дура! Потому что вместо того, чтобы поставить наглого преподавателя на место, я стою, хлопая глазами и хватая ртом воздух. Реальность странно поддёргивается, а шарики грозят заехать за ролики.

– Ладно-ладно, – неожиданно мирно отзывается Глебов, – успокойся. Никто никуда не едет, считай, что я пошутил.

Пошутил?! Да у меня в жизни чувства юмора не было! Как и друзей, все из которых считали меня слишком серьёзной.

– Маша, да успокойся ты!

Я бы с радостью, но Илья Глебович держит меня за плечи, а это не способствует.

– Морозова, имей совесть! Если ты грохнешься тут в обморок, ректор сожрёт меня вместе с машинным маслом. Маша, – вздохнув, он за подбородок приподнимает моё лицо, – да пошутил я. По-шу-тил.

– Шутки у вас...

Сжавшиеся было когти ужаса немного разжимаются, выпуская сердце из объятий. Всё хорошо, просто в голове у меня опять не о том... Сбросив его руки, я глубоко вздыхаю, в очередной раз осознавая собственный идиотизм. Да почему я снова о постели-то?! Ну, не изнасиловал бы он меня ведь!

И тут же краснею от собственных мыслей.

– Морозова, – глядя на моё, наверняка, пятнами пунцовое лицо, с интересом хмыкает Глебов, – а скажи-ка мне, о чём ты сейчас подумала?

– А зачем вы меня... – Лапали? Зажимали? Обнимали? Ни один из вариантов не подходит и я молчу, нервно прикусив губу.

– Я тебя что? – побуждая продолжать, весело интересуется Илья Глебович.

– Ничего, – раздражённо буркнув, мне приходится поправить сползающую сумку. – Всего доброго, Илья Глебович.

«Чтоб вам подавиться!», – недоговорено, но понято всеми участниками беседы.

– Морозова, – догоняет меня голос преподавателя за два шага до двери, – а свидание?

Он не о том. Он не о том. Он не о том.

Хорошая мантра, только почему-то не помогает – сердце снова бухает как ненормальное, а из головы выветриваются все мысли, кроме неприличных.

– Что вы имеете в виду? – В развороте должна быть грация и холодное изящество, но ни того, ни другого с нашего чаепития у меня не прибавилось.

– Выигрыш, Морозова. Ты же помнишь, что нельзя оставлять неудовлетворённым... моё любопытство.

Нет, намёк в многозначительной паузе мне только кажется. Кажется и всё! И плевать, что выражение у, присевшего на край стола, Глебова под стать намёку.

– С малознакомыми мужчинами не откровенничаю! – Гордо потрянув головой, я резко разворачиваюсь, запинаясь о порог аудитории и вылетаю в коридор.

Под тихий смех одного раздражающего преподавателя.

Ужас, ужас, ужас. Это что и где сдохло, если дурацкий поцелуй развернул мои отношения с одним из самых проблемных преподавателей в совершенно непонятную плоскость? Непонятную, нервную, напрягающую меня лично, потому что сегодня на парах Глебова состояние «Меня здесь нет» чередовалось с засматриванием на него же.

И это после «случайной» встречи с Артуром в приуниверситетском парке! Дурацкая счастливая улыбка сама наползает на губы, стоит вспомнить прогулку до отмёрзших пальцев, до разговоров обо всём на свете, и его добрую улыбку.

– Ой!

Удар в чью-то спину вырывает из мечтаний о парне, которого Пермякова крепко держит в наманикюренных ногтях. Воздух вышибает из груди и, отшатнувшись, я потираю ушибленное место.

– Маша? – Артур смотрит с привычной доброжелательной улыбкой, а я вспоминаю безобразную сцену, свидетелем которой он стал.

Краснею, конечно, и понимаю, что все шансы стать ему хоть немного ближе разбились о непробиваемую самоуверенность Ильи Глебовича.

– Артур. – Щёки горят так, что только туши. – Ты ещё здесь?

– Да, заходил в деканат, а ты?..

Только молчи, только молчи.

– Меня Илья Глебович задержал насчёт контрольной, – недовольство даже изображать не приходится, – пришлось объясняться.

– Какие-то проблемы? – Участие в его исполнении это что-то новенькое и я застываю, засмотревшись. – Хочешь, помогу?

– П-поможешь? – И это после моих обжиманий с преподавателем?!

– Почему бы и нет, мы же одноклассники, – улыбается Артур, а я вдруг ловлю его оценивающий взгляд.

Реально оценивающий! Понять это мне ума хватает, как и заметить, что серые глаза проходят по изгибам тела, скрытым под пальто на поясе. Это что сейчас такое происходит? Где презрение, отвращение и «ты не такая»?

Или, проиграв тот спор, Пермякова проиграла и своего обожаемого Арта?

– А давай! – Надеюсь, ни торжества, ни злорадства в моём взгляде он не замечает. – У меня, и правда, не всё получается.

И трижды плевать, что мой балл выше его, прикинуться дурочкой как-нибудь, да получится.

– Может завтра? – Недолго думает он, а мне это и вовсе ни к чему. Не в этом случае, только приоткрытый от удивления рот портит наигранно-самоуверенный вид. – Только ты же знаешь, я в общаге живу... но можем позаниматься в библиотеке, устроит?

– Обожаю читать. И библиотеки.

Ой, идиотка! Ладно хоть «и тебя» не добавила, а то мой лимит по стыду на сегодня исчерпан.

– Супер! До встречи.

И Артур Велисов, этот темноволосый бог, шагает ближе, чтобы приобнять меня на прощание. Мозг отключается весь и разом. Красный диплом говорите? А что это? Всё, что я могу сейчас – по-дурацки улыбаться и блеять что-то невразумительное в ответ. Особенно, когда, отстраняясь, он губами задевает мою щёку.

Мама, роди меня обратно, иначе я опозорюсь прямо здесь!

К счастью, мне везёт – не оглядываясь, Артур сбегает по ступенькам и выходит на улицу, пока я пытаюсь вспомнить хотя бы собственное имя. Сердце бешено колотится в груди, пульс зашкаливает, а где-то под рёбрами разрастается что-то искрящееся и счастливое, готовое заполнить меня всю.

Заниматься! С Артуром! Я!

Завизжать в припадке фанатского восторга мешает разве что охранник на пропускной. Вот! Вот что может сделать смелость, характер и удачно выигранное пари! А ведь прошло всего несколько дней с той самой прогулки!

– Морозова, не стой столбом, замёрзнешь, – насмешливый голос за спиной в два счёта разбивает все мои наивные мечты о белом платье и детишках с серыми глазами. – Ау, Морозова.

– До свидания, Илья Глебович, – холодно, не поворачиваясь, прощаюсь я и спешу выйти на улицу.

Блин! Вот только перед этим неплохо было бы натянуть хотя бы шапку! Ледяной порыв ветра распахивает полы пальто, путает волосы и в целом не вызывает ничего, кроме желания спрятаться в троллейбус. Ничего, ещё чуть-чуть, и моих накоплений хватит на что-нибудь скромное, маленькое, но бензиновое. И своё.

Повесив сумку на локоть, я быстрым движением натягиваю шапку и ищу перчатки в недрах сумки. И зайти бы для этого внутрь, но там Глебов, а его мне сегодня хватило за глаза. Как назло, именно сейчас сумка выпячивает всё своё бездонное нутро, где под руку попадается всё, что не надо. Гигиеническая помада, купленная в киоске по случаю утери нормальной. Ручка, которую я ищу уже две недели. Стикеры, которые покупались вообще-то домой и полгода назад.

В общем, всё, что угодно, кроме дурацких перчаток.

А ветер продолжает качать голые ветки деревьев и мою слабую психику. Которая уже на грани оттого, что пальцы начинают приобретать весёленький синеватый оттенок. И перестают нормально гнуться, что тоже не способствует поискам.

– Есть! – Наконец, найдена хоть одна и я судорожно натягиваю перчатку.

– Помочь?

Чтоб тебя!

Рефлексы срабатывают быстрее мозга и, резко развернувшись, я бью сумкой по обидчику. Угум, ещё бы он не был Глебовым, была бы вообще красота.

– Морозова, ты откуда такая дёрганная? – Естественно, сумку Илья Глебович ловит в нескольких сантиметрах от себя. Боком. И мы вместе наблюдаем за эпичным падением моих вещей. – М-да...

И, конечно, поверх разбросанных по крыльцу мелочей, красиво опускается вторая перчатка.

– Тридцать три несчастья? – со смехом в глазах интересуется Глебов перед тем, как присесть на корточки.

В четыре руки мы собираем мои скромные пожитки почти мгновенно.

– Исключительно рядом с вами, – раздражённо фыркаю в ответ, поднимаясь.

– И как с таким настроением ты будешь сдавать экзамен? – Когда вторая перчатка оказывается на руке, пальцы уже практически отмёрзли.

– Так же, как и четыре предыдущих, – буркнув, я собираюсь уйти, наконец, из универа, но Глебов удерживает за локоть.

– Пойдём, я тебя подвезу, – легко предлагает он, утягивая меня в сторону от дверей. – Ты же околела, Морозова.

– Думаете, на мотоцикле мне станет теплее? – огрызаюсь я, за последний час доведённая до ручки эмоциональными качелями. Спыхватываюсь, конечно, меняя тон и выражение лица на более вежливые: – Спасибо, но я доеду сама.

– Чтобы ты знала, Морозова, байк – явление сезонное. – Тоном, почти как на лекции, только там я сижу, а не иду к парковке, ведомая посторонним мужиком.

– Даже если так, это не значит, что я с вами куда-то поеду! – И неважно, что слова приходится проговаривать медленно и чётко. Губы замёрзли не меньше рук.

– Не куда-то, а домой. – Тяжесть его вздоха какая-то с перебором, и не слишком соответствует смыслу фразы. Чем Глебову мой дом-то не угодил? Или так далеко ехать? – А вообще, у меня к тебе дело, так что можешь считать, что я тебя похитил.

– Не хочу я никаких дел.

Угу. Бурчать можно много, вот только, когда Глебов достаёт ключи, останавливаясь у новенького красного седана, я продолжаю стоять на месте. Ладно, пусть уже похищает. Пусть всё, что угодно, только дайте мне согреться!

Фары дважды мигают, и слышится щелчок дверей. Побуду немного плохой и беспринципной, сядя в относительно тёплое нутро машины, которая ещё пахнет автосалоном.

– Машенька, ты же добрая девочка и не сможешь бросить любимого преподавателя в беде, – насмешничает тем временем Глебов, заводя мотор.

А что, самые придирчивые когда-то у кого-то бывают в любимчиках?

– Я не настолько добрая.

Пальцы никак не согреваются и, сняв перчатки, я кладу их на дефлектор.

– Спорим, что настолько? – Мои мучения обрываются Ильёй Глебовичем.

Тем, который забывает про руль, забирает, сжатые в кулаки, ладони себе и... Нет, моё сознание этого не выдержит! Зажмурившись, я боюсь самого худшего, но Глебов, взяв мои руки в свои, всего лишь согревает их дыханием.

Всего лишь, блин! Доволя меня до обморока и инфаркта одновременно. Чтоб вас всех! А чего, вообще, я боялась? Очередного поцелуя? Его нет, а, не смотрящий на меня, Глебов есть. И разом пересохшее горло есть. И желудок, от волнения скручивающийся в узел. И... да много чего есть, и всё это – лишнее.

Спасибо хоть за выключенный в салоне свет и позднее время, иначе местные сплетницы подавились бы ядом.

– Я не спорю, – заметно осипшим голосом отзываюсь я и напарываюсь на внимательный взгляд.

– Ты вроде Морозова, а за пять минут на улице умудрилась вконец простудиться!

Ага, простудилась. Лучше так, чем думать про перебои с дыханием, пульсом и всей мной. И про то, что Глебов сейчас почти также близко как тогда, прижимающий меня к стене своим телом.

– Я мерзлячка, – по-прежнему сиплю просвещаю его на свой счёт.

– Проблема, – подняв на меня взгляд, признаётся Глебов. И вот вопрос, он тоже резко простыл или как я? – Ничего, я... куртку тебе куплю. Тёплую. – Как-то сердито выдохнув, он отпускает мои руки и резко отстраняется, уделив всё внимание машине. – Надень мои перчатки, они в бардачке.

– Я не...

– Ты мёрзнешь, Морозова, и можешь пропустить неделю из-за своих гордых выходов, – хмыкает Илья Глебович и выезжает, наконец, с парковки.

Пока перчатки находятся и пока надеваются, мы проезжаем три квартала и два светофора. Перчатки, кстати, оказываются действительно тёплыми, настолько, что ещё через два квартала мне становится жарко.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

И вроде едем себе спокойно, молчим, а чисто женская логика недовольна, требуя начать хоть какой-то разговор.

– Вам нужна помощь? – Иногда ненавижу себя за эту робкую интонацию, но что делать... некоторым не суждено стать вамп.

Илья Глебович молчит, и молчит долго.

– Нужна, – впервые совершенно серьёзно отвечает он. Или мне так кажется, потому что я не вижу его взгляд? – Но я передумал, забудь.

Не знаю что там такого страшного в его любопытстве, но моё тоже может основательно пострадать.

– А вдруг я смогу? А вы отказываетесь...

– Не сможешь, – резко перебивает он.

В смысле?!

– Откуда вам знать? – раздражённо выдохнув, я отворачиваюсь к окну. И возвращаюсь, почувствовав пристальный взгляд на затылке. – Что?

– Какие могут быть дела, Морозова, если ты меня боишься?

И вроде ничего не происходит, но атмосфера в салоне заметно меняется, становясь какой-то хищной. Такой же, как взгляд Глебова, путешествующий по моему лицу. Вот он касается лба, практически ощутимо переходит на скулы, заставив задержать дыхание. И спускается ниже, изучая мои губы так, что...

Гулко сглотнув, я боюсь пошевелиться. Непередаваемые ощущения. Неправильные, но непередаваемые, вот только чёрта с два я признаюсь в этом даже себе.

– Или нет?

Глебов вовсе пользуется красным сигналом светофора, но и он не бесконечен. В горле пересыхает, и я нервно облизываю губы.

– Я... Мне непривычно, но я не боюсь.

Точнее, боюсь, да не того.

– А привыкнуть не боишься? – хмыкнув, Илья Глебович возвращается к дороге, давая мне передышку.

Хуже всего, что я, действительно, хорошая и мне нравится помогать людям. Особенно, если я реально могу это сделать.

– Чем вам помочь?

– Притворись моей невестой на эти выходные.

Глебов

Маша продолжает дружелюбно улыбаться и молчать. То ли шок, то ли прикидывает как меня повежливее послать. В принципе, я послал бы и сам, с удовольствием запланировав активное соблазнение этой девочки на конец сессии, но увы. Есть обстоятельства, которые выше желаний.

– Маш?

– Я... – она снова откашливается, а мне уже не смешно. Правда простыла? – Простите, Илья Глебович, но я не могу. Мне очень хочется вам помочь, и, если бы вы попросили о чём-то другом, о чём угодно... – Поосторожнее бы ты со словами, Машенька. – ... у меня не получится. Я же вас совсем не знаю, да и не представляю как мы будем... всё вот это. Да и актриса из меня никакая, вы же видели, стоит мне попробовать притвориться и сразу всё валится из рук. Поверьте, вы не сможете никого убедить в том, что...

Она снова заговаривается, так искренне и наивно, что спасибо руль, ты не даёшь мне рыпнуться и снова сделать что-нибудь явно лишнее.

– Маш, Маша, успокойся. – Быстрый взгляд подтверждает, что она смотрит на меня, растерянно хлопая глазами. Так и рехнуться недолго, если постоянно сдерживать себя, как я. – Я всего лишь должен съездить к родителям, с которыми последний раз виделся лет пять назад и то мельком. Поверь, они знают меня хуже, чем ты. Гораздо хуже.

– С нашей деканом вы знакомы ещё дольше, но ей же такого не предлагаете... – Наконец, остановка, впереди только её ворота, и можно уделить всё внимание Морозовой.

– Ирина Алексеевна не в моём вкусе.

А то, что она всё ещё не прочь, хотя лет пять назад нашла себе мужа из аспирантов, Машеньке знать необязательно. Тем более, что фигуристая и знающая себе цену деканша мне никогда особо не нравилась.

– А кто в вашем?

Смешная, спрашивает, а у самой в глазах опаска. Серьёзно хочет услышать ответ?

– Я тебе как-нибудь потом расскажу.

Да, это обещание, и она снова краснеет, дёрганым движением нажимая на брелок. Лампа на воротах мгновенно загорается жёлтым и створки медленно, но верно начинают разъезжаться.

Долбанное ты множество!

Нет, это не приглашение. Нет, об этом Морозова даже не думала. Нет, я сказал!

Не говоря ни слова, ни жестом, ни взглядом не дав понять что творится в отморозенной голове, я плавно останавливаюсь у её подъезда. А что, ничего же такого – просто обещал подвезти и подвёз. С комфортом и чтобы не мёрзла.

Выйти вслед за ней кажется правильным поступком и, прислонившись к передней пассажирской двери, я жду, пока Маша скроется за дверью подъезда.

Но каждый следующий её шаг становится медленнее предыдущего.

– А почему?.. – резко разворачивается она. – Зачем вам фиктивная невеста на выходные?

Задумалась? Молодец, Машенька, думай. Хорошо думай и соглашайся, ты же добрая и отзывчивая девочка.

– Я обещал познакомить родителей с невестой, – поясняю с лёгкой улыбкой. – Они долго этого ждали и мне не хочется их огорчать, тем более, люди пожилые и со здоровьем у них всё непросто.

Себя огорчать тоже не хочется, как и соглашаться на отцовские условия.

– Так почему не привезти настоящую? Или...

Или, Машенька, или. Потому что эта тварь занималась сексом в моей квартире, на моей кровати, но меня там даже близко не было. Решил, кретин, увидеть любимую. Пришёл пораньше с работы. Хотел порадовать Даночку цветами, да эту стерву радовал уже кто-то другой.

– Мы недавно расстались.

Даже злиться толком не получается. К тому моменту мы выели друг другу не только сердце и душу, но и мозги. Жаль только, что обсуждать свадьбу это нам не мешало.

– Извините, я не хотела вас расстроить. – И снова эта растеряннo закусенная губа. Спасибо, providение, если бы не этот идиотский спор, меня бы здесь сейчас не было. Как и во всей жизни Маши Морозовой. – Но почему не сказать родителям правду? Мы же не в сериале! Это ведь ненормально, что вы, взрослый состоявшийся человек, придумываете какую-то... ерунду вместо того, чтобы просто всё рассказать!

– Потому что мои родители не читали воспитательных книжек, – хмыкаю я в ответ.

Прелесть, а не Маша! Особенно, когда верит в свою правоту. И когда, вот так поджав губы, яростно сверкает глазами. Интересно, ещё одна выходка испортит мою репутацию или там уже совсем всё плохо?

Потому что оторваться от неё невозможно. И унять зуд в ладонях тоже.

– Ну, раз вы всё так хорошо знаете, – повышает голос она, – то и разбирайтесь сами!

И столько обиды, столько непонимания в огромных глазах, которые точно станут моим личным фетишем, что хреновы заслоны разлетаются вдребезги, словно их не стояло. Сладкая моя девочка, где же тебе так не повезло, что высшие силы решили столкнуть тебя со мной?

Да и плевать!

Резко выдохнув, я удерживаю её, развернувшуюся было к подъезду, и утягиваю в объятие – моё любимое, позволяющее прижать дёрнувшуюся Машеньку максимально близко.

Мой самый аппетитный десерт. Такой, что руки с большим трудом сдерживаются от того, чтобы сползти ниже талии. Но нет, не с ней, не на улице, и не прислонившись спиной к двери машины.

Секунды Машиного ступора проходят очень быстро.

– Вы опять... – напряжённым шёпотом сообщает она, отклоняясь и ловя мой взгляд.

Вряд ли адекватный, скорее даже шальной на фоне всего этого безумия. Неудивительно, учитывая, что больше всего Машеньку, в данный конкретный момент, хочется нежно и аккуратно уложить в собственную постель, очень аккуратно стянуть эту её облегающую водолазку и также аккуратно довести до абсолютного предела.

Чтобы до срывающегося дыхания, жарких стонов и моего имени в её исполнении...

Тормози, идиота кусок! Девочка и так дрожит.

– Я опять, – признаю обречённо, даже не думая распускать руки или объятие. – Машенька, давай ты просто постоишь рядом, хорошо? Буквально пару минут и я вспомню, что я старый препод, которого ты боишься.

– Я не боюсь.

Ага, как же.

– Ты дрожишь, Маш, – я глубоко вдыхаю аромат какого-то цветочного шампуня. – Боишься меня и дрожишь, а я, великовозрастный кретин, просто не могу тебя отпустить, представляешь? – И заправить бы за маленькое ушко лезущий ей в глаза волос, но всё, что я себе позволяю – обнимать её и смотреть. – Обычно я как-то поадекватнее.

Угум, обычно. Звучит только не очень.

А ещё, несмотря на весь вот этот оргазмический восторг, становится не по себе. И тошно, потому что всё это выглядит как форменное насилие, причём нехорошее такое, отдающее пользованием положением. Оттого, что она не смотрит на меня, устремив взгляд куда-то мимо плеча, тоже хреново, и руки сжимаются уже в кулаки.

Хотел? Пожалуйста, получите-распишитесь. Девочка послушно стоит, напуганная до чёртиков, и явно ожидая то ли изнасилования, то ли ещё чего похуже.

Ага, двойки за экзамен.

– Прости, что напугал, – шумно выдохнув, я вижу как Маша вздрагивает, когда моё дыхание касается её щеки. И вцепляется мне в руку. Чтобы остановить?

Серьёзно, после такого разве что застрелиться. С отчётливым пониманием, что ты старый, лапающий студенток, козёл.

– Я... не боюсь.

Чёрта с два я в это поверил. Задержав дыхание, я разжимаю руки – ни разу в жизни это не стоило мне таких усилий, но хрупкая ладонь не отпускает.

Сладкая, да всё уже, всё. Старпёр понял, старпёр впечатлился.

Подняв взгляд, я собираюсь сказать что-то утешительно-извинительное, но тут встречаюсь с зелёными глазами. Широко распахнутыми, затуманенными, с расширившимся зрачком, и ситуация мгновенно меняет полюса.

Ей... нравится?

Невероятное, сшибающее с ног озарение скручивает пах таким спазмом, что требуются несколько мгновений, чтобы снова научиться говорить.

– Радость моя, – с хриплым голосом, строго держа себя в руках, отстраняюсь я, – а теперь повтори, что ты сказала?..

Не знаю от чего она вздрагивает. От моей интонации? От вернувшихся на талию рук? Всё-таки от страха? Последнее очевиднее. А ещё мне очевидно, что от страха не краснеют, и дыхание учащается немного по-другому. То же, что происходит с ней, носит другое название – древнее, будоражащее и настолько естественное, что отзывается внутри долбящим по рёбрам сердцем и кровью, несущейся по венам со скоростью 150 км/ч.

– Вы ко мне пристаёте! – Справедливое обвинение, потому что так оно и есть. Маша не сдаётся даже самой себе и всё бы ничего, если бы сладкая девочка не опустила после этого заявления взгляд.

– Ма-аш?... – почему-то шёпотом и рвано сглотнув слюну. – Машенька, посмотри на меня. Сделай приятно старому дряхлому...

– Вы не...

Всё, Машенька, приплыли.

Пользуясь её отзывчивостью, я сминаю сладкие губы поцелуем. Жадным, горящим не столько на губах, сколько глубже. И ниже. Одной ладонью зарываюсь в распущенные волосы, едва не рыча от удовольствия, а второй крепко прижимаю её к себе за талию.

Какая же она... а я... Об этом лучше подумаю позже.

Сильно позже, потому что её язык случайно касается моей нижней губы. И как бы всё, мой личный цифровой мир разбивается на нолики и единички. В том числе и потому, что девочка Маша оказывается талантливой ученицей, и инициативной, но все эти умные слова вспомнятся когда-нибудь позже. Сейчас же проще сдохнуть, чем прервать, разрывающий мозг в клочья, поцелуй.

То, как она поддаётся на каждое движение моего языка... То, как уже не я, она сама вжимается в моё тело... То, как меня прошивает, стоит ей пройти нежными пальчиками по затылку... Вдруг оказывается, что кончиться от перевозбуждения очень даже можно. И кончиться от одного только её поцелуя тоже.

Длинный протяжный стон я не столько слышу, сколько чувствую.

И может мне, слетевшему на хрен со всех катушек, кажется, но это отрезвляет больше всего остального.

Кретин, ты только что переживал, как бы она не замёрзла, а сейчас чуть не насилуешь прямо на улице?!

– Маш, Машенька, сладкая моя девочка... – лихорадочный шёпот ни хрена не похож на адекватность, – остановись.

Её глаза расфокусированы и затянуты желанием, а в моей голове один мат. Отборный, русский, трёхэтажный. Потому что долбанное усилие воли не срабатывает.

Губы снова касаются губ в глубоком откровенном поцелуе. В этот раз медленном, тягучем, и от этого даже худшем, чем предыдущий. Потому что руки подрагивают от адского напряжения, которое нужно мозгу, чтобы хоть как-то контролировать ситуацию, а не взять Машеньку прямо здесь.

Грёбанный ты случай!

В паху всё уже болит и, оторвав её от себя за плечи, держа на расстоянии вытянутых рук, я матерю собственную принципиальность. Да любой бы материл, видя то, что вижу я – красивую, молодую и заведённую студентку.

– Маш, всё.

Отголоски сознания возвращаются в её взгляд, но настолько медленно, что меня может и не хватить. Интересно, а торт у неё есть? Угу, на завтрак.

Кончай страдать фигнёй!

– Машенька, вернись ко мне, пока не поздно.

– Это как? – Хриплый голос проходит наждачкой по оголённым нервам и приходится крепко сжать челюсти. – Если поздно.

– Это так, что сегодня я от тебя не уеду. – Давай же, подайся вперёд, прижмись ко мне и завтра хрена с два ты вспомнишь про своего недовампира. – Хочешь?

И да, она почти даёт неправильный ответ. Почти, но вовремя вспоминает кто мы и где, и лицо покрывается красными пятнами.

– Я... я... – она испуганно заикается и, похоже, больше не сядет ко мне в машину. И взгляд обалденных глаз это только подтверждает.

– Ты – мой самый сладкий десерт. – Честно, но зря. Потому что слов у неё нет, одно желание сбежать на другой конец страны. – Маш, полетели со мной на выходные? Я...

Желание оправдаться захлёбывается совсем другим желанием. Неудивительно – её остужают неловкость и стыд, а меня... мне придётся терпеть до ледяного душа. И молиться, чтобы помог.

Тяжёлый вздох вырывается помимо воли.

– Маш, – отпустив, я протягиваю к ней руку и малость охреневаю, когда, после секундной задержки, она вкладывает в неё свою, – я обещаю к тебе не приставать. Для твоего спокойствия могу поклясться байком, если совру – вернёшься и отправишь его под пресс, но мне, правда, нужна твоя помощь. Сможешь потерпеть меня три дня?

– А не приставать это как только что? – глядя только на наши руки, спрашивает она.

– Не-ет, Машенька. – Меньше всего мне хочется её пугать, но в этом соврать я не могу. И не хочу. – Ещё одного такого «только что» моя психика не выдержит, и в следующий раз мы окажемся в одной постели, но... я буду держать себя в руках. – Стараться точно буду. – Зная, как ты меня... стесняешься, просто не дойду до следующего раза.

– Но как мне тогда изображать вашу... – тряхнув головой, она не может договорить.

Пф. Я после таких поцелуев вообще ничего не могу, только стоять и лишний раз не рыпаться.

– Мы всё решим... договоримся, пока будем добираться до места.

У неё снова мёрзнут руки, печально быстро для плюс трёх по Цельсию, и у меня есть способы её согреть, но обойдусь. Надо же, как пробило. До самого основания, и это чертовски странно, учитывая весь мой впечатляющий опыт.

Или отголоски первой любви сказываются?

– Просто скажи «да». – Меня отпускает ровно настолько, чтобы позже спокойно сесть за руль. – С остальным разберёмся по ходу.

Она думает, долго думает, недоверчивым, но внимательным взглядом осматривая меня с ног до головы. И шум в голове начинает возвращаться, как и кровь к совершенно лишним сейчас частям тела.

– Обещаете ничего не делать... без моего согласия?

Боже, дай мне сил, чтобы не укунить эту её прикушенную нижнюю губу. И хорошо, что Машины формулировки отвлекают своей интересной постановкой.

– Обещаю, – на выдохе, чтобы притянуть её ближе.

Даже не в объятие, а так, просто постоять рядом, держась за руки.

– Почему вы вдруг стали таким...

– Неадекватным? – фыркаю я.

Не та погода, не то место и, вообще, давно пора бы расстаться. Как пятиклассник, ей богу!

– Станным, – улыбается она краешком губ.

– Это не я, Морозова, – ради разнообразия возвращаюсь я в роль препода, – это ты...

– Неадекватная? – она весело вскидывается.

После всего этого не боится? Невероятная! Притом, что я боюсь – не сдержаться, воспользоваться, надавить...

– Фантастическая. – Ни капли веселья и прямой взгляд глаза в глаза.

Пауза затягивается, и Маша, тряхнув головой, переступает с ноги на ногу.

– Мне пора, Илья Глебович.

– Издеваешься?

Нет, серьёзно, какой на хрен Илья Глебович?!

– А где вы завтра будете? – Вдруг спохватывается она.

– Уже соскучилась? – Дикое, страшное непредсказуемостью желание понемногу, но отпускает, и можно попробовать пошутить.

– Надо же билеты покупать, а мне дать вам ответ, – словно неразумному ребёнку объясняет Маша.

Нет, с этим надо что-то делать, вот такая моя на неё реакция это что-то сумасшедшее. Приятное, возбуждающее, но ни разу не подходящее сорокалетнему мужику.

– Давай телефон.

– 8-953...

– Маш, свой телефон дай, – фыркаю весело, – в смысле аппарат сам.

Она достаёт из кармана гаджет предпоследней модели и, разблокировав, протягивает мне.

– А вам зачем?

– Запишу свой номер. – Действие занимает едва ли полминуты. – Если захочешь, позвонишь и скажешь, что решила. Если нет... – Найду номер в деканате и позвоню сам. – То больше беспокоить тебя я не буду.

Твёрдости в этом конкретном намерении не доверяю даже я сам, но голос звучит уверенно, и Маша успокаивается окончательно.

– До завтра? – Пора заканчивать вечер и валить уже домой. Хотя бы для того, чтобы долго стоять под ледяным душем.

Маша не отвечает, лишь неопределённо улыбается, забирает из моих рук свой телефон и да, скрывается за дверью подъезда.

– До завтра, – отвечаю сам себе и сажусь в машину.

Маша

Мне удаётся поужинать, поработать и даже принять душ, оставаясь собой – спокойной и умной Морозовой Марией Ивановной, двадцати трёх лет от роду. Воспитанной в атмосфере всеобщей любви и уважения, самой выбравшей специальность и университет. Тихой, скромной, не лезущей на рожон в силу не воспитания, но характера. Такой, как всегда.

Всегда.

До, заставляющего вскипеть мозг и всю меня, внимания Глебова. И если история с Артуром это тёплый, но ровный и греющий очаг, то вот это вот всё – проснувшийся вулкан, не думать о котором невозможно.

Хотя хочется не думать, потому что каждое мимолётное воспоминание стоит мне до боли закусенной губы, вот только к страху это имеет очень посредственное отношение. О чём, вообще, говорить, если, лёжа под тяжёлым одеялом, поставив на колени ноут, меня нервно потряхивает от Глебовского «в следующий раз мы окажемся в одной постели»?!

Со стоном я натягиваю одеяло на голову, опрокинув ноутбук.

Нет, девственницей меня не назвать. Лет в двадцать, когда уже было пора, мы с тогдашним моим полудругом-полупарнем взаимно решили перевести отношения на новый уровень. Лучше бы и дальше дружили... Потому что после пары таких попыток, по недоразумению названных сексом, мы и расстались. К взаимному, кстати, облегчению.

Но то, что исполняет Глебов носит какой-то запредельный уровень сексуальности! А ещё эта татуировка, которая не даёт мне покоя... Нет, забить на всё!

Негромкий дзынь, и экран телефона высвечивает сообщение от Артура.

Глупое сердце, застыв на мгновение, берёт знатный такой разбег, а губы сами собой растягиваются в счастливой улыбке. Вот! Вот тот, кто мне нужен – умный, воспитанный, сдержанный Артур Велисов. Мой ровесник по возрасту и уму, и моя влюблённость, у которой есть все шансы стать взаимной.

«Завтра всё в силе?»

Хорошо, что в мессенджере нет кивающего смайла, иначе я отправила бы их пару миллионов. Вместо этого за два сообщения мы договариваемся встретиться в библиотеке на второй паре, а его «До завтра» греет душу до тех пор, пока глаза, уставшие от ноутбука, не закрываются сами собой.

– Привет!

Увлёкшись программированием, я не сразу замечаю подошедшего Артура, и легкий поцелуй в щёку вгоняет в краску.

– Привет, я тут...

Веду себя как пятиклассница, но тебе об этом знать необязательно.

– О, программирование делаешь? – на мгновение заглянув в ноутбук, выдаёт Артур. – И как?

– Так себе, – быстро захлопнув крышку, вздыхаю я. В основном от того, что терпеть не могу, когда кто-то смотрит мою недоделанную работу. Но это же Артур Велисов, ему можно. Наверное. – Поможешь?

– Без проблем. – Бросив сумку на стул, стоящий напротив, он берёт ещё один от соседнего стола и садится вплотную ко мне, раскрывая свой ноут и касаясь бедром моего бедра. – Смотри...

Смотреть приходится долго. И всё это время мурашки маршируют куда им вздумается, отвлекая от желания исправить две ошибки в прописанной им функции и ещё одну в тестовом

модуле. Спокойно, хлопать глазами и улыбаться – вот всё, что от меня требуется! И если первые пятнадцать минут было нормально, то к концу часа устали даже ресницы.

– Ну, как? Стало понятнее? – после неудобной позы потянувшись так, что я чуть не закапываю слюной клавиатуру, подмигивает Артур.

– Не уверена, что поняла насчёт адреса и константы, – собрав мозги в кучу, вздыхаю в ответ. – Но я дома посмотрю ещё раз и пошарюсь по методичке. Спасибо, что помог! Так бы я осталась без зачёта.

– Да брось, не за что! – пожимает плечами он. – Красивая фотка! – Кивок Артура приходится на заставку рабочего стола, где я выгодно сижу на фоне моря.

– Спасибо. – Глупый совет из интернета сработал, надо же. Вот и повод для разговора. – Это мы с родителями отдыхали в Крыму прошлым летом.

Захлопнув крышку, я убираю ноут в сумку.

– С родителями? – поднимает бровь Артур. – Не с парнем?

Упс. Всё-таки идиотский был совет.

– Я в свободном поиске, не хочу пока серьёзных отношений.

Ну, да. Ты ври, да не завирайся.

– Не ожидал от тебя... – И снова этот оценивающий взгляд. Как хорошо, что я, наконец, решилась на линзы и кератин! И плевать, что глаза сушит аж до хруста. – А как же большая и чистая?

Освободив стол, мы вместе идём в сторону выхода.

– Ой, я тебя умоляю! – Ладно, вот эту насмешку стоит потренировать получше. – Кто-то ещё в это верит? Сказка же для детей, причём для детей очень доверчивых.

– Ого! – хмыкает Артур. – От кого угодно ожидал услышать это, но не от тебя... Осторожно!

Не успев совершенно ничего, я оказываюсь прижата к телу Артура Велисова, дёрнувшего меня на себя, чтобы спасти от особо ретивого студенческого коня. И это становится самым впечатляющим событием последнего года.

Чувствуя, как дрожит всё внутри, я поднимаю взгляд, встречаясь с самыми красивыми глазами универа. Всё, выносите готовенькую.

– Ты как? Не ударилась? – А когда в них же появляется беспокойство, это становится моим личным раем на Земле. – Ма-аша?

– Морозова, хватит обжиматься с Велисовым! – слышится саркастичное за спиной. – Сейчас пара начнётся, а второго опоздания я не прошу.

– Мы уже идём, Илья Глебович, – доброжелательно кивает Артур, а мне хочется прибить Глебова за то, что он разрушил такой момент. – Идём, Маш? – обращается он уже ко мне и, обернувшись, я не вижу никого за своей спиной.

– Идём.

Сегодня Глебов ведёт пару особенно жёстко, разделявая одну за другой студенческие самоуверенные головы. Не стесняется в выражениях и, в целом, явно недоволен так, как бывает нечасто.

– Ему что, баба с утра не дала?... – Издевательский ржач сидящего за мной Драхана не добавляет настроения, но хотя бы удача со мной – на наш угол Глебов даже не смотрит.

– Да хрен его знает, – отзывается приятель Драхана. – Что, впервые за полгода что ли? Может так, проблемы какие?..

Чтоб тебя, проблемы!

Последние двенадцать часов напрочь вышибли из моей головы просьбу Глебова. Собственно, вместе с расписанием, ведь надо быть идиоткой, забыв, что Глебов красуется у нас в расписании сегодня третьей и четвёртой парой!

«А где вы завтра будете?»

Беззвучно передразнив саму себя, я дёргаюсь, натываясь на взгляд Ильи Глебовича, и утыкаюсь в ноутбук едва ли не носом.

– Записываем... – разносится по аудитории его негромкий, но резкий голос.

Блин, может у человека и правда проблемы? А эти идиоты только о бабах думать и способны... Вздохнув, я открываю мессенджер.

«Мам, привет! Вы на выходные чем заняты?»

А что было бы, брось жених незадолго до встречи с родителями меня любимую? Конечно, я бы призналась, даже если стыдно и обидно. А Глебов? А он – взрослый мужчина, стопроцентно из тех, кто физически не может признаться в собственном поражении. И вот такому взять и сказать престарелым родителям, что ничего не получилось? Что два, три, пять лет его жизни и их надежды на внуков можно выкинуть на помойку?

Наверное, ему это сложно, хотя может в чат просто вошла моя извечная жалость.

Из груди вырывается ещё один вздох, тяжелее первого.

Помочь ему? После вчера откровенно страшно. И было бы мне противно, неприятно или просто никак, разговор был бы другой. Совсем другой, но, в отличие от мозга, память мне не отшибло. Ту самую, которая прекрасно помнит, что вчера Глебов готов был меня отпустить, вот только... Как-то неуютно открывать в себе такие страсти в таком возрасте. Ладно бы ещё в пятнадцать или там в восемнадцать...

И снова вздох.

У Глебова же билеты вот-вот, к кому он ещё сможет обратиться? Он же не дурак, значит, понимает всю бредовость затеи и всё равно просит помочь. Вот так просто, из-за одного родительского огорчения? Хотя, может, у них и правда совсем всё плохо? Вроде как последняя воля блудному сыну...

– Морозова, на мне функции не написаны. – Насмешка отвлекает от бессознательного рассматривания преподавателя.

Интересно, а Артур будет ревновать, узнав, что я улетила с Ильёй Глебовичем?..

Звонок с пары звучит как-то неожиданно. Конечно, нормальные-то студенты не улетают в собственные фантазии. Тем более, что следующей парой окно, а после физкультура, на которую никто не ходит. То есть, по сути, весело гудя, весь поток с чистой совестью собирается домой.

Весь, кроме меня.

– Илья Глебович?

– Морозова, если вопросы не по лекции, то меня нет, – сунув планшет в сумку, он поднимает голову... и тяжело вздыхает, глядя на меня. – Что?

Последний студент выходит за дверь, но даже тогда я не решаюсь взять и вот так просто ему ответить, вместо этого изучая доску за его спиной.

– Маш, прекращай. – Что-то заставляет перевести внимание на Глебова и только потом доходит что. Тон. – Прекращай психовать и кусать губы, это нервирует... Говори уже что хотела и иди с миром, вон твои однокашники уже в восторге от того, что не увидят меня до следующей среды.

– В смысле среды? – хмурюсь я, вспоминая, что его пара стоит в понедельник последней. – Вы же говорили...

– Говорил, – впервые на моих глазах откровенно кривится он. – Планы изменились, мне придётся задержаться. – Вздохнув шевелюру, Илья Глебович устало смотрит на меня. – Что хотела-то, Маш? С вопросами к экзамену непонятно?

Вот таким, загруженным и уставшим, он кажется человеком больше, чем когда-либо, хотя решение я приняла и до этого.

– Я... я стану вашей невестой. Фиктивной, – добавляю поспешно, опустив взгляд на столешницу.

Тишина, не нарушаемая даже жужжанием техники, давит на уши, но глаза я не подниму ни за что в жизни. Сейчас точно нет, а вот потом придётся, потому что изображать невесту, не глядя на жениха, как-то странно. И не очень удобно.

А Глебов всё ещё молчит и, плюнув на стеснительность, я встречаюсь с ним взглядом.

– Вы... скажете что-нибудь?

– Морозова, если меня не добьют эти выходные, это сделаешь ты, – низко отзывается Глебов, а я делаю вид, что вибрация внутри меня появилась от пришедшего на телефон сообщения. – Как ты вообще... С чего вдруг?

– Видимо, потому, что я всё ещё верю в сказки, – буркнув, я снова смотрю на столешницу, нервно сцепив пальцы, – и в то, что ближним надо помогать.

«И надеюсь, что Артур будет ревновать», – но это добавлять вообще необязательно.

– Хор-р-ошо, – Глебов смотрит так, что самое время поругать себя за отзывчивость. – Я не люблю оставаться в долгу, так что давай, жги.

– В каком смысле? – Ладно, иногда стеснительность может подождать.

– Чем мне отблагодарить тебя за эту неоценимую услугу? – приподняв бровь, Илья Глебович забывает про сборы. – Поработать репетитором?

Обойдя стол, он присаживается на него уже с моей стороны, заставляя сомневаться в собственной адекватности и способности принимать решения. Верные решения.

– Спасибо, не надо.

Репетитором? Нет, нет и нет, тем более, что я сама могу, если приспичит. И где он предполагает репетиторствовать? У меня?

– Что тогда, Маш? Чего ты хочешь?

Спорю на стипендию, именно таким голосом соблазняют змеи-искусители! Вот только мне повезло меньше – мой змей – мужик привлекательной наружности, о ни разу не платоническом интересе которого я в курсе. Кстати, стоило включить наш последний поцелуй в список аргументов «против» идеи с подставной невестой.

И хуже всего этого только желание, которое вертится на языке. Одно-единственное, но настолько не уместное, что хоть закапывайся, и оно прекрасно сбивает с мысли все остальные, более-менее приличные, варианты отблагодарения.

– Да ничего я не хочу! – Раздражённо вздёрнув подбородок, отзываюсь в ответ. – Банальное желание помочь, без условий и обмена. Или что, без благодарности вы не согласитесь?

– Соглашусь, Машенька, – голос становится ниже и глуше, и по моему позвоночнику толпой проходят мурашки, от копчика до чувствительного места на шее, – на всё соглашусь. И благодарность моя будет без-гра-нич-ной. – Глебов с улыбкой протягивает мне руку ладонью вверх.

Как тогда.

– А давайте без благодарности? – Кто там вчера обещал держаться?

– А давайте без давайте, – фыркает он и выразительно кивает на свою, висящую в воздухе, ладонь. – Боишься?

– Я?!

Зря, ой зря. И тон вызывающий зря, и ладонь в его руке тоже зря. Как легко меня взять на слабо!

А внутри всё вибрирует, ожидая, что Глебов потянет меня на себя, прижмёт к горячему телу, перехватит инициативу, но... Вместо моих идиотских фантазий, Илья Глебович всего лишь опускает руки, переплетая свои пальцы с моими.

– И сейчас не боишься? – Улыбка на его лице становится какая-то слишком мальчишеская.

– Да с чего вы взяли, что я вас боюсь?! – Как будто поводов мало!

– Потому что я старый дряхлый препод, который, пользуясь служебным положением, к тебе пристаёт, – смеётся Глебов, большим пальцем погладив мою ладонь. Нервные окончания в том месте разом деревенеют, отказываясь работать в таких условиях.

– Никакой вы не старый! – Особенно, по нашим реалиям. – И причём тут служебное положение? Можно подумать, вы мне «отлично» за поцелуи ставите!..

– А ты проверь...

Так, это я уже проходила!

– Спасибо, обойдусь, – выдернув руку, отказываюсь я поддаваться. – И вы обещали ничего такого... – Рука, взмахнув, неопределённо обводит аудиторию.

– Без твоего согласия, – прищурившись, напоминает Глебов, мгновенно вернув меня во вчерашний вечер, где не я – он просил остановиться.

Естественно, краснею, под его, всё более довольный взгляд.

– Скажите номер рейса, я запишу и куплю билет, – бурчу я, отвлекшись на поиски телефона в сумке.

– Не надо ничего покупать, всё готово. – Никогда бы не подумала, что можно так быстро переключиться с флирта на откровенно мрачный тон, но ему удаётся.

– Хорошо, – вздыхаю в ответ, – тогда скажите, сколько я вам за него должна.

– Машенька, – подняв взгляд, я встречаюсь с перекинувшимся Глебовым, – давай договоримся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.